

РУССКОЕ КУПЕЧЕСТВО В ИЗОБРАЖЕНИИ Н.С. ЛЕСКОВА

Рассмотрено творчество великого русского писателя Н.С. Лескова, его связь с общественной и художественной жизнью России второй половины XIX в., его отношение к русскому купечеству. Делается попытка выявить причины негативного отношения писателя к новым явлениям социально-экономической жизни страны и той роли, которую играли в ней купцы. Авторы приходят к выводу, что в произведениях Лескова наблюдается все возрастающий интерес к предпринимательству купцов, которые стали новыми хозяевами российской жизни.

Ключевые слова: история; Россия; Н.С. Лесков; купцы, предпринимательство.

Интерес к истории русского и, в особенности, сибирского купечества вызвал у автора данной статьи желание расширить круг источников по этой теме. Совершенно естественно и логично в их состав вошли произведения классиков отечественной художественной литературы – Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова. Этих замечательных авторов объединяет интерес к купеческой теме, художественное проникновение в суть процессов накопления капиталов и их функционирования в российской действительности, отражение данных процессов в бытовой повседневности и психологии купечества. Кроме известных каждому культурному человеку сочинений, где, как в капле воды, отражены типичные для эпохи черты, русские писатели были наблюдательными современниками описываемых событий и их труды вызывают не меньшее доверие, чем законодательные, документальные и мемуарные источники. Кроме этого, названные выше авторы по своему происхождению были тесно связаны с купечеством: Чехов напрямую по отцовской линии, а Достоевский и Салтыков-Щедрин косвенно по материнской линии родства. Был близок к русскому провинциальному купечеству и Н.С. Лесков, что нашло отражение в его творчестве. Об этом малоизвестном аспекте и пойдет речь в данной статье.

Знание российской провинциальной жизни было заложено в Н.С. Лескова с раннего детства, как говорится, «впитано вместе с молоком матери». Дед писателя был священником, бабушка – купчихой, отец стал чиновником, а мать по происхождению была дворянкой. Сложные взаимоотношения между предками Лескова детально описаны в книге его сына Андрея, который всю свою долгую жизнь собирал материалы по истории рода Лесковых и написал на эту тему талантливую и богатую фактическим материалом книгу. В своей статье мы коснемся только купеческой линии происхождения писателя и ее влияния на его творчество. Вот, например, как описывает сын Н.С. Лескова свою прабабушку: «Бабка Акилина родилась в 1790 г. в Москве в весьма достаточной купеческой семье Колобовых... Приходский священник, не то в отместку за что-то ее отцу, не то по неодолимому упрямству, невзирая на все мольбы роженицы, “нарек” младенца не Александрой, как было заказано, на случай рождения девочки, отцом, а по “святцам”, – какая святая пришлась в день рождения ребенка. Вернувшийся вскоре Колобов пришел в ярость. Он слы-

шать не мог неблагозвучного имени новорожденной, видя в нем поругание своей купеческой именитости и избыточности. Бросился к архиерею – тщетно! Тогда он строго-настрого приказал всем в доме облагорожено называть девочку Александрой, раз навсегда забыв оскорблявшую его “Акилину»» [1. С. 43].

А вот как образ родной бабушки отложился в памяти у самого писателя и отражен в повести «Несмертельный Голован»: «Два слова о бабушке: она происходила из купеческого рода Колобовых и была взята в замужество в дворянский род “не за богатство, а за красоту”. Но лучшее ее свойство было – душевная красота и светлый разум, в котором всегда сохранялся простонародный склад. Войдя в дворянский круг, она уступила многим его требованиям и даже позволяла звать себя Александрой Васильевной, тогда как ее настоящее имя было Акилина, но думала всегда простонародно и даже без намерения, конечно, удержала некоторую простонародность в речи. Она говорила “ехтот” вместо “этот”, считала слово “мораль” оскорбительным и никак не могла выговорить “бухгалтер”. Зато она не позволила никаким модным давлению поколебать в себе веру в народный смысл и сама не расставалась с этим смыслом» [2. Т. 3. С. 104].

Повесть о Головане посвящена одному из праведников земли орловской, который совершил много разных подвигов, заслужил уважение всех без исключения горожан, хотя занятие его было вполне прозаическое: он содержал шесть или семь коров и ему же принадлежал «красный бык ермоловской породы». От этого небольшого стада Голован «поставлял на дворянский клуб сливки и молоко, которые славилась своими высокими достоинствами, зависевшими, конечно, от хорошей породы его скота и от доброго за ним ухода» [Там же. С. 68]. По сути дела Несмертельный Голован был мелким предпринимателем, который благодаря отменному качеству своей продукции и незапятнанной репутации, не имел в своей деятельности соперников и благополучно обеспечивал необходимыми средствами себя и свою довольно большую семью. Другим праведником в Орле был купец Иван Иванович Андросов, «честный старик, которого уважали и любили за доброту и справедливость, ибо он “близкопомощен” был ко всем народным бедствиям» [Там же. С. 76]. Свою популярность и народное почтение эти два человека получили по всей орловской земле во время эпидемии неведомой болезни, которая началась здесь после очередного

неурожая и захватила сначала скот, а потом и людей. В народе ее звали «пупырых», и спасения бедным людям от нее не было, а помощь умирающим оказывали только эти два славных праведника – Голован и купец Андросов. Только они безбоязненно входили в зараженные лачуги и поили больных свежей водой, а Голован еще и снятым (обезжиренным) молоком, оставшимся у него после клубных сливок.

Рассказывается в этой повести и о типичных представителях орловского купечества, которые известны были здесь под именем «ссыпщиков», т.е. проще сказать, крупных кулаков, которые ссыпают хлеб с возов у мужиков и потом продают свои «ссыпки» оптовым торговцам в Москву и Ригу. Это прибыльное дело, которым после освобождения крестьян, было, не погнушались и дворяне; но они любили долго спать и скоро горьким опытом осознали, что даже к простому кулачному делу они неспособны. «Купцы С. считались, по своему значению, первыми ссыпщиками, и важность их простиралась до того, что дому их вместо фамилии была дана возвышающая кличка. Дом был, разумеется, строго благочестивый, где утром молились, целый день теснили и обирали народ, а потом вечером опять молились. А ночью псы по канатам гремят, и во всех окнах – “лампад сияние”, громкий храп и чьи-нибудь жгучие слезы. Правил домом, по нынешнему сказали бы, “основатель фирмы”, – а тогда просто говорили “сам”. Был это мякенький старичок, которого, однако, все как огня боялись. Говорили о нем, что он умел мягко стлать, да было жестко спать: обходил всех словом “матинька”, а спускал к черту в зубы. Тип известный и знакомый, тип торгового патриарха» [2. Т. 3. С. 89–90]. Такому типу купцов Н.С. Лесков приписывал, кроме набожности, еще самое примитивное суеверие и страсть к жестоким развлечениям, например, в трактире смотреть, как опустившиеся люди за рюмку водки обещали закутить стеклом этой самой рюмки. Что ж, и такое было в нравах российского купечества, процесс обогащения можно назвать по-разному, но только не идиллией.

Одна из тетюшек Н.С. Лескова, Александра Петровна, была выдана замуж за обрусевшего англичанина Александра Яковлевича (Джемсовича) Шкотта, который сам занимался предпринимательством в различных отраслях хозяйства, а также привлек в качестве помощника и ходатая по разным делам своего новоявленного родственника. В результате в течение трех лет будущий писатель разъезжал по России от Черного моря до Белого и от Урала до западной границы. В молодые годы Шкотт влиял на своего неслужившегося еще племянника сильнее многих близких и дальних родственников и друзей, что нашло отражение во многих произведениях Лескова: «Мелочи архиерейской жизни», «Железная воля», «Загон», «Продукт природы» и других менее известных произведений. В них дядя Шкотт выступал как независимый, умный и образованный человек, который не спускал грубости и хамства даже самым высокопоставленным лицам чиновного и духовного звания. Дела он вел с размахом и внедрял в экономику своей новой родины новейшие достижения науки техники.

Так, он построил первую в Пензенской губернии паровую мельницу, купив за границей не только паровую машину, но и огромные штучные французские жернова [2. Т. 3. С. 359]. Кроме этого, компания Шкотта занималась распашкой новых земель, выращиванием на ней пшеницы и свекловицы, переработкой этих продуктов на спирт и сахар, заготовкой древесины и переработкой ее на доски, клепку и паркет. Словом, коммерческий проект был с точки зрения экономической науки проработан детально, и технологическая цепочка от заготовки сырья до реализации готовой продукции была продумана и должна была дать эффект, но в российской практике, без учета особенностей отечественного бизнеса, компания обанкротилась. Как писал позднее об этом Н.С. Лесков, компания «давно уже лопнула, и память о ней погибла даже без шума...» [1. С. 119].

В ранних произведениях Лескова постоянно присутствует купеческая тема, но пока в мелких, но метких деталях, которые должны были потом воплотиться в серьезные характеристики в крупных произведениях. Например, в «Соборях» упомянут городской голова, естественно из купцов, который бражничал с дьяконом Ахиллой и имел привычку постоянно употреблять в разговоре поговорку: «в рот те наплевать» [2. Т. 1. С. 268]. Несколько раз у Лескова упоминаются купцы – большие любители церковного пения, особенно густых и невероятно громких басовых восклицаний дьяконов, которых щедро вознаграждали и переманивали из одного храма в другой. Побывав в Москве и Петербурге, дьякон Ахилла писал на родину на орловщину: «Хорошего здесь много, но дьяконов настоящих, как по-нашему требуется, нет; все тенористые, пристойные по-нашему разве только к кладбищам... Я же, как в этом сведующий, их моде не подражаю, а служу по-своему, и зато хоть и приезжий, но купечество приглашало меня в Гостиный ряд под воротами в шатре молебен служить и, окромя денежного подарения, за ту службу дали мне три фуляровые платка, какие вы любите, и их я привезу вам в гости-нец» [Там же].

Позднее, в 60-е гг. XIX в., когда отмена крепостного права освободила народную инициативу и предприимчивость, купцы стали героями своего времени, Лесков более пристально стал всматриваться в их дела, описывать их и давать им свои характеристики. Например, в рассказе «Овцебык» нарисован портрет вполне положительного предпринимателя из народа – Александра Ивановича Свиридова, который «родился в крепостном сословии, обучен грамоте и музыке. Смолodu он играл на скрипке в помещичьем оркестре, а девятнадцать лет откупился за пятьсот рублей на волю и сделался винокуром. Одаренный ясным практическим умом, Александр Иванович отлично повел свои дела. Сначала он сделал себе известность как лучший винокур в околотке; потом стал строить винокурные заводы и водяные мельницы; собрал рублей тысячу свободных денег, съездил на год в северную Германию и возвратился оттуда таким строителем, что слава его быстро разнеслась на далекое пространство. <...> В трех смежных губерниях знали

Александра Ивановича и наперебой навязывали ему постройку. Дела вел он необыкновенно аккуратно и снисходительно смотрел на дворянские слабости своих заказчиков» [2. Т. 2. С. 51–52]. Надо ли говорить, что свою семью он также выкупил из крепостной зависимости, сестер женил, брата и зятьев принял к себе на службу и платил им жалованье, не обижал понапрасну, но и держал их строго, как, впрочем, и своих рабочих. Женился он на горничной девушке, выкупив ее у своего же помещика, и она стала ему верной и успешной помощницей: «Она и хозяйство по хутору ведет, и приказчиков отсчитывает, и лес или хлеб, если нужно куда на заводы, покупает. Во всем она была Александру Ивановичу правая рука, и зато все относились к ней очень серьезно и с большим уважением, а муж верил ей без меры и с нею не держался своей строгой политики» [Там же. С. 52]. Такая идеальная пара вызвала у окружающих их простых людей зависть и уважение, а молодые дворяне пытались склонить молодую красавицу-купчиху к измене, особенно если она попутно прихватит с собой толстый бумажник мужа, но все это было напрасно. Только вот неудачник, бывший семинарист, прозванный за сходство с этим животным «Овцебыком», вдруг влюбился в нее без памяти и без всякой надежды на взаимность и неожиданно покончил с собой. Это напомнило автору рассказа ситуацию, описанную Виктором Гюго в «Соборе Парижской богородицы», – красавица Эсмеральда и влюбленный в нее уродливый Квазимодо. А вот другой пример, перекликавшийся с классической литературой, стал напоминанием о кровавой трагедии, которая развернулась в Мценском уезде Орловской губернии в благополучном купеческом семействе.

В «Леди Макбет Мценского уезда» Н.С. Лесков использовал мценские впечатления об одном уголовном деле. Писатель тогда еще был юношей, и эти впечатления у него хорошо врезались в память: «Раз одному соседу старику, который “зажился” за семьдесят годов и пошел отдохнуть под куст черной смородины, нетерпеливая невестка влила в ухо кипящий сургуч. Я помню, как его хоронили... Ухо у него отвалилось... Потом ее на Ильинке (на площади) “палач терзал”. Она была молодая, и все удивлялись, какая она белая» [1. С. 71]. На сюжет повести Д.Д. Шостаковичем создана его знаменитая опера «Екатерина Измайлова», а для исследователей истории русского купечества в повести содержится множество верных и глубоких наблюдений, без которых трудно представить образ русского купца и его жены, обстановки в которой они жили и работали. Так вот, Катерину Львовну выдали замуж юной 18-летней девушкой за мценского купца Измайлова «не по любви или какому влечению, а так, потому что Измайлов к ней присватался, а она была девушка бедная, и перебирать женихами ей не приходилось. Дом Измайловых в нашем городе был не последний: торговали они крупчаткою, держали в уезде большую мельницу в аренде, имели доходный сад под городом и в городе дом хороший. Вообще купцы были зажиточные» [2. Т. 2. С. 185]. К тому же семья Измайловых была небольшой: свекор Борис Тимофеевич

давно вдовый и старик под 80 лет, сын его Зиновий Борисович, которому было уже за 50 лет, да сама молодая красавица-купчиха, которой шел в ту пору всего двадцать четвертый год. Детей в семье не было, что сильно огорчало всех домашних, но, судя по всему, это была вина мужа, так как и в прежнем браке детей у него не было. А молодая хозяйка, вскоре после того как у нее появился любовник, забеременела. Эта любовь, возникшая на фоне безмерной скуки купеческого дома, от которой весело, говорят, даже удавиться. Читать Катерина Львовна была не охотница, да и книг к тому ж, кроме киевского патерика, в доме их не было. Скудной жизнью жилось Катерине Львовне в богатом свекровом доме в течение целых пяти лет ее жизни за неласковым мужем; но никто, как водится, не обращал на эту скуку ее ни малейшего внимания» [2. Т. 2. С. 186].

Все в корне изменилось, когда в ее жизни появился молодец с дерзким красивым лицом, обрамленным черными, как смоль, кудрями и едва пробивающейся бородкой по имени Сергей, один из хозяйских приказчиков. Сначала он в шутку взвесил хозяйку на весах и удивился ее весу – три пуда семь фунтов, т.е. чуть больше 50 кг, а затем шутливо схватился с ней бороться, что привело их к бурному роману, тем более, что хозяин был в отъезде. Разоблачивший их свекор поплатился за это своей жизнью – был отравлен крысиным ядом, а вернувшийся муж был вообще убит в завязавшейся схватке и захоронен в подвале своего дома. Эти убийства удалось на некоторое время скрыть от соседей и приказчиков, но, как всегда, неожиданно появляется наследник: торговля Измайловых шла на деньги малолетнего племянника хозяина, Феденьки Лямина, и из наследства убитых стариков к Катерине Львовне переходила только часть капитала. В результате у нее возникает план убийства мальчика, которое она с помощью своего любовника с жестокостью и цинизмом совершает, но случайно преступление оказывается раскрытым, и после суда любовники попадают на каторжные работы. Главной причиной этого страшного преступления было нежелание делиться считавшимся уже своим капиталом и имуществом, желание довести начатое дело до конца – стать полными хозяевами купеческого дела и передать его своему еще не родившемуся наследнику. По пути в Сибирь Катерина Измайлова переживает не за себя и своего ребенка, а за любимого Сергея, отдавая ему последние деньги и вещи, который ни в малейшей степени не ценит этого, да вдобавок еще и ей изменяет. Переплывая на пароме одну из широких сибирских рек, она бросается на разлучницу, оскорбившую ее в лучших чувствах, и они вместе с ней гибнут в холодных и мутных волнах реки. Таков краткий пересказ сюжета этой всемирно известной печальной повести, который показал, что и в купеческом сердце могут скрываться сильные страсти, которые попирают мораль и приводят к трагическим развязкам. В таком случае говорят, что лукавый или черт попутал, что нашло какое-то наваждение, которое нужно изгнать из человека, чтобы не доводил до греха. Об этом Н.С. Лесков ведет речь в другом менее

известном рассказе, получившем название «Чертогон», т.е. изгнание черта.

Впервые этот рассказ был помещен в газете «Новое время» за 1879 г. в номере от 25 декабря под заглавием «Рождественский вечер у ипохондрика». Такой вот рождественский фельетон с элементами фантастики, хотя современники угадывали в главном герое, Илье Федосеевиче, представителя московской купеческой семьи Хлудовых – А.И. Хлудова (1818–1882), знаменитого своими похождениями и кутежами, но также известного как основателя нескольких хлопчатобумажных торговых фирм и собирателя древнерусских рукописей и книг. В Иване Степановиче, который попал на кутеж только после своего согласия «бить на литавре», узнавали крупнейшего винооторговца, известного миллионера-откупщика В.А. Кокорева (1817–1889).

Кокорев был известен своими пирами при встрече солдат и офицеров, возвращавшихся с проигранной Россией Крымской войны, и знаменитым проектом выкупа земли у помещиков для освобождавшихся без нее крестьян, названный автором «Миллиард в тумане». Н.С. Лесков несколько раз переделывал рассказ, пока он не приобрел «купеческую окраску», с одной стороны, и обличительную и критическую направленность – с другой. Писатель как бы любитесь богатырскими и лихими забавами купцов, которым нужно было добиться хотя бы на тесном пространстве ресторана проявлению своей воли, чтобы не препятствовали их «ндраву» и самым диким их пожеланиям. Начинается рассказ спокойно, автор рассказывает о себе и своем происхождении: «Хотя я с одной бока дворянин, но с другого близок к “народу”: мать моя из купеческого звания. Она выходила замуж из очень богатого дома, но вышла уходом, по любви к моему родителю. Покойник был молодец по женской части и что намечал, того и достигал. Так ему удалось и с мамашей, но только за эту ловкость матушкины старики ничего ей не дали, кроме, разумеется, гардеробу, постелей и божьего милосердия, которые были получены вместе с прощением и родительским благословением, навеки нерушимым. Жили мои старики в Орле, жили нужно, но гордо, у богатых материнных родных ничего не просили, да и сношений с ними не имели. Однако, когда мне пришлось ехать в университет, матушка стала говорить: “Пожалуйста, сходи к дяде Илье Федосеевичу и от меня ему поклонись. Это не унижение, а старших родных уважать должно, – а он мой брат, к тому же благочестив и в Москве большой вес имеет”» [3. Т. 6. С. 302]. После знакомства с дядей, который, на взгляд молодого человека, его племянника, был фигурой простой, русской, но вид имел величественный, поехали они прокатиться в коляске по парку, и дорогой дядя пожаловался: «Совсем жизни нет». После этого они подъехали к ресторану «Яр», дядя приказал всем посетителям из него удалиться и заказал, не глядя в меню, ужин на сто персон. Когда гости прибыли, начался грандиозный пир со многими, мягко говоря, излишествами. О причинах такого безобразного поведения хорошо сказал знаток русского быта, автор «Иллюстрированного энцикло-

лопедического историко-бытового словаря русского народа» (М. : Эксмо, 2007) Л.В. Беловинский: «Стремление к наживе превращалось в своего рода спорт, в страсть. Любое дело, если ему отдаваться всей душой, затягивает. Люди, ворочавшие большими капиталами, целые дни проводили в своих конторах и амбарах... Морил себя, морил семейство, крепко прижимая каждую копейку ногтем, жульничал и обсчитывал, недоплачивал жалованье служащим. Это была страшная жизнь, вся посвященная приобретению копейки. Но такая нечеловеческая самодисциплина имеет предел. И рано или поздно происходил взрыв, страшный выброс накопленной нервной энергии. Начинался купеческий “чертогон”» [4. С. 332].

Н.С. Лесков сам признавал слабость и схематичность своего рассказа, долго не мог подобрать заглавие к нему, при подготовке его к прижизненному изданию собрания сочинений снова ввел целый ряд стилистических поправок. В письме к своему издателю А.С. Суворину Лесков писал: «Конечно, это смазано. Как иначе быть? Делано лежа и наскоро. Я только не хотел Вам отказывать и делал как мог. Теперь переделал как хочется Вам. Главное: картина хлудовского кутежа, который был в прошлом году и на нем Кокорев играл. Это живо прочтется. Сказано теперь толковее, – впрочем, делайте сами, что хотите, – я ведь пустого самолюбия не имею и дело ценю выше вздоров» [3. Т. 6. С. 654]. От себя добавим, что схематично, хотя и талантливо, намечен писателем облик московского купечества, где выделены только две основные фигуры, дяди автора повествования и Ивана Степановича, почтенного старца, который был «обликом строг, очи угасли, хребет согбен, а брада комковата и празелень. Хочет шутить и здороваться, но его остепеняют и заставляют стучать в барабан. Старец колотит во всю мочь... и, наконец, цель достигнута: литавра издает отчаянный треск, кожа лопается, все хохочут, шум становится невообразимый, и Ивана Степановича облегчают за прорванные литавры штрафом в пятьсот рублей в пользу музыкантов. Он платит, оттирает пот, усаживается, и в то время, как все пьют его здоровье, он, к немалому своему ужасу, замечает между гостями своего зятя» [Там же. С. 308].

Более выпукло и объективно, на наш взгляд, Н.С. Лесков изображал провинциальное, прежде всего, орловское купечество. В рассказе «Грабеж» приводится случай из орловской жизни, когда возникло недоразумение между орловскими и елецкими купцами, которое чуть не закончилось уголовным преступлением. Попутно очерчивается образ жизни купцов в этих двух городах, система воспитания купеческой молодежи, любимые их досуговые занятия, где главными были гусиные и кулачные бои. Предпринимательство у местных купцов было традиционным: скупать хлеб у крестьян и ссыпать его в свои амбары, перевозить его на своих барках на ярмарки или покупателям, «держали артель трепачей, торговали пенькой и вели хлебную ссыпку... Делом всем правила матушка Арина Леонтьевна при старом приказчике, а я тогда только присматривался. Во всем я, по воле родительской, был у матушки в пол-

ном повиновении» [2. Т. 4. С. 270]. Так рассказывал о своих занятиях 19-летний молодой купеческий сын, обладавший богатырским здоровьем, умением мастерски биться на кулачках, но целиком еще находившийся под влиянием своей матушки. Она придерживалась официальной православной веры, в то время как ее сестра, тетушки главного героя рассказа, придерживалась старой веры и хотела женить его на кержачке, которая на офицеров не будет заглядываться, а будет ходить молиться в платочке и креститься старым русским крестом. Многие изменилось в его жизни после приезда из Ельца его дяди, Ивана Леонтьевича, который приехал в Орел подыскивать в свою приходскую церковь, где он был ктиторм (церковным старостой) дьякона. Старый дьякон надорвал свой голос во время службы «по случаю освобождения от галлов». В помощники он взял Павла Мироновича Мукомола, который в Ельце имел три огромных дома, свечной завод и мельницу. Получил он такое богатство, женившись на московской купчихе, – «целую неделю свадьбу праздновали». В конце концов, два елецких купца в лучшей орловской гостинице устроили конкурс голосов двух дьяконов, но в номере под кроватью спрятались два местных купца, так же любители церковного пения, которые не хотели отдавать своих талантливых земляков на сторону. Завязалась крупная ссора, грозившая перерасти в драку, и купцы вынуждены были из гостиницы бежать. В полной темноте они стали добираться до своего дома, но путь их лежал через реку Оку, где зимовали вмерзшие в лед барки. Между ними обычно происходили грабежи, и со страха мирные купцы, отбиваясь от случайного попутчика, схватили по ошибке чужую шапку и часы вернулись с ними домой. Дома обнаружилось, что часы чужие, так как свои были на месте, и пришлось обращаться в полицию. Там выяснилось, что дядя с племянником избили и ограбили дьякона, который возвращался с устроенного приезжими купцами конкурса. Только после многих «барашков», т.е. взяток, удалось это дело замять, да на постройку нового дома дьякон запросил тысячу рублей, которые ему купцы обещали выдать, и он остался этим очень доволен. Такова сюжетная линия этого незатейливого рассказа, которая больше напоминает зарисовки быта у провинциального купечества середины XIX в. К литературным шедеврам их отнести трудно, да и сам Н.С. Лесков назвал цикл таких произведений «Рассказы кстати», и печатались они в литературе для народа под названием «Книжки «Недели»». Тем не менее простые народные нравы дореформенного купечества показаны Н.С. Лесковым довольно объективно, характерные черты купцов и их поведение показаны выпукло и документально верно, т.е. находят многие подтверждения в научной литературе о русском купечестве.

Близка к научному изложению купеческой темы публицистика Н.С. Лескова. Как отмечал ведущий специалист в изучении творчества Н.С. Лескова – Лев Аннинский, «и после смерти его статьи остались тлеть в старых подшивках, где они и теперь лежат, покрытые забвеньем, а лучше сказать, запечатанные

двумя-тремя итоговыми формулировками, вроде того, что Лесков “постепеновец”, споривший с “нетерпеливцами”, “либерал”, возражавший революционным демократам, сторонник “порядка” и “умеренности”, противостоящий бунтарям...” [5. С. 5]. На самом деле, своей публицистикой, эмоционально окрашенными и резкими статьями Лесков приобрел врагов как в лагере правых – «охранителей», так и в лагере левых – «радикалов». Поэтому он принадлежал к средним течениям общественно политической мысли – «либералам-постепеновцам», сторонникам, как писал позднее М.А. Булгаков, «его величества эволюции». Поэтому Лесков делает ставку на буржуазно-демократические элементы, которые называет «коммерческими».

В статье «Несколько слов об ищущих коммерческих мест в России» Лесков со знанием дела рассуждает, почему так мало людей может работать у коммерсантов: «Значительная и притом самая оборотливая часть наших торговцев – иностранцы, у которых вся корреспонденция и книговедение идут на иностранных языках, с которыми большинство ищущих службы людей оказались или совершенно незнакомыми или знакомыми до такой степени слабо, что знание их никуда не годилось, и потому служба у иностранцев делалась невозможной для русских. Русское же купечество не протянуло руки соотечникам, искавшим работы, и как в один голос отвечало дворянчикам: “нет-с, нам не требуется; у нас своих много-с”. Поводом к таким ответам было не то, чтобы русскому купечеству действительно не требовались люди; напротив, люди ему постоянно нужны, но люди не того разбора, какие являлись с предложением своего труда, вследствие сокращения штатов государственной службы. Нужны были люди малограмотные и стоящие на одинаковой степени образования с хозяевами, к которым они являлись просить работы и платы; люди, прошедшие степени мальчиков и молодцов и за прилавком изучившие необходимость слепого признания хозяйского авторитета и собственного бесправия» [6. С. 33–34]. Отметим, что, в самом деле, поиски мест службы для грамотных людей пореформенного времени были одной из главных проблем, которые приводили к частым драмам и даже трагедиям. Из этой категории выросли босяки и пролетарии умственного труда, ставшие питательной почвой для пропагандистов радикальных направлений и партий, многие опростились и стали рабочими, а некоторые свели счеты с жизнью. Редкими исключениями стали сибирские прииски и откупа, а после отмены откупов, акцизная служба, где грамотному человеку можно было найти хорошо оплачиваемую работу и даже сделать карьеру. Правда, для этого нужно было идти на сделки со своей совестью, но это зато давало верный и крупный доход.

В статье «Торговая кабала» Н.С. Лесков развенчивает систему воспитания детей в торговых и промышленных заведениях русских купцов: «В этой школе ребенок не учится ничему полезному. Торговые соображения по выбытию им пяти лет у хозяина так же чужды его понятиям, как неведомы ему понятия о че-

сти, о долге, о нравственности... Мальчик ни у кого не может, т.е. не смеет, спросить объяснения ни одному жизненному явлению, на котором останавливается его детское внимание; он не имеет никогда в руках ни одной книги, доступной его детскому пониманию и способной хоть мало-мальски осветить его разум объяснением самых простых явлений в жизни природы и человека» [6. С. 38]. И дальше Лесков рассказывает о многих издевательствах и мытарствах мальчиков в купеческих домах, которые они испытывали, чтобы через некоторое время стать самим «молодцами» и приказчиками, и на новых поколениях мальчиков реализовывать такую бесчеловечную и жестокую систему воспитания.

Без оптимизма смотрит на этот процесс и Н.С. Лесков: «Не знаем мы, когда прорвется этот отвратительный круговорот опошления русского торгового люда, а думаем, что не скоро... Дух религии и слова Христовы – чужды ее понятиям. Люди эти ходят в храмы, но выносятся оттуда воспоминания не о слове мира и любви, а об октавистых голосах, в подражание которым ревут дома долголетия и анафематства...» [6. С. 40]. Тем не менее и в такой атмосфере торгового воспитания вырастали умные и деятельные люди, которых сам Лесков немало знал в своей долгой жизни, с которыми водил дружбу и вместе работал над усовершенствованием российской жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лесков А. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1954. 684 с.
2. Лесков Н.С. Собр. соч. в пяти томах. М.: Правда, 1981.
3. Лесков Н.С. Собр. соч. в шести томах. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957.
4. Беловинский Л.В. Жизнь русского обывателя: от дворца до острога. М.: Кучково поле, 2014. 560 с.
5. Аннинский Л. Почва правды // Лесков Н.С. Собр. соч. в шести томах. М.: АО «ЭКРАН», 1993. С. 5–16.
6. Лесков Н.С. Собр. соч. в шести томах. Т. 3. Публицистика. Переписка Н.С. Лескова с Л.Н. Толстым. М.: АО «ЭКРАН», 1993. 480 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 февраля 2016 г.

N.S. LESKOV ABOUT RUSSIAN MERCHANTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 45–50.

DOI: 10.17223/15617793/406/7

Boyko Vladimir P. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpbojko@yandex.ru

Keywords: history; Russia; N.S. Leskov; merchants; entrepreneurial business.

The fiction works and journalism of N. S. Leskov could not hide his antipathy to the newly appeared Russian bourgeoisie, coming from prereform estates, mainly from prosperous peasants. Greed, roughness and lack of elementary cultural skills were the main distinctive features of those businessmen. However, in the author's opinion, such a description belongs mainly to those territories where the manorial economy in the most rigid forms of corvée (rent service) economy dominated. Where the chief-rent was not practiced or where, for example in Siberia, there was no serfdom at all, forms of business were more humane. There is constantly a merchant subject matter in the early works of Leskov, but it is expressed there in small but well-aimed details that were to be embodied later in serious characteristics in his large works. Leskov constantly mentions merchants as big fans of church singing, especially of dense and incredibly loud bass exclamations of deacons who were generously rewarded and enticed from one cathedral to another. Later, in the 1860s, when cancellation of serfdom released the initiative and entrepreneurial spirit of people and merchants became heroes of the time, Leskov began to peer at their affairs in more detail, began to describe them and give them characteristics. For example, in the short novel "Musk-ox" he made a portrait of quite a positive businessman of the people, Alexander Ivanovich Sviridov, who "was born in serf estate, made literate and given instruction in music". From the youth he played the violin in the landowner's orchestra, and at the age of nineteen he bought his freedom for five hundred rubles and became a distiller. Endowed with precise practical mind, Alexander Sviridov ran the business perfectly. At first he became popular as the best distiller in the neighbourhood, then he began to build distilleries and water-mills; he collected one thousand rubles as spare cash, went for a year to northern Germany and came back as such a good builder that his fame quickly reached faraway regions. Alexander Sviridov was known in three adjacent provinces and highly demanded in construction works. He ran business remarkably accurately and looked indulgently at the noble weaknesses of his customers. He also redeemed his family from serfdom, arranged his sisters' marriages, gave employment to his brother and brothers-in-law and paid them a salary, was fair yet disciplined them, as well as all his workers. He married a house parlour maid, having redeemed her from the landlord, and she became his faithful and successful assistant. Such an ideal couple caused envy and respect of ordinary people surrounding them, and young nobles tried to incline the young beautiful wife of a merchant to treason, especially if she took with herself the thick wallet of her husband, but all that was vain. Only the unlucky creature, the former seminarian, nicknamed for similarity to the musk-ox, suddenly fell madly in love with her and committed a suicide without any hope for mutuality. N.S. Leskov continues the merchant subject matter in his journalism, but examines it more thoroughly and critically, which corresponds considerably to the facts of that historical period.

REFERENCES

1. Leskov, A. (1954) *Zhizn' Nikolaya Leskova po ego lichnym, semeynym i nesemeynym zapisyam i pamyatyam* [The life of Nikolai Leskov in his personal, family and non-family records and memories]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
2. Leskov, N.S. (1981) *Sobr. soch. v pyati tomakh* [Works in five volumes]. Moscow: Pravda.
3. Leskov, N.S. (1957) *Sobr. soch. v shesti tomakh* [Works in six volumes]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
4. Belovinskiy, L.V. (2014) *Zhizn' russkogo obyvatelya: ot dvortsa do ostroga* [The life of an average Russian citizen, from palace to prison]. Moscow: Kuchkovo pole.
5. Anninskiy, L. (1993) *Pochva pravdy* [The soil of truth]. In: Leskov, N.S. *Sobr. soch. v pyati tomakh* [Works in five volumes]. Moscow: EKRAN.
6. Leskov, N.S. (1993) *Sobr. soch. v pyati tomakh* [Works in five volumes]. Vol. 3. Moscow: EKRAN.

Received: 29 February 2016